

Трансформация эпитафии в поэзии Татьяны Данильянц

Светлана Ю. Артёмова
*Тверской государственный университет, Тверь, Россия,
svart1@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросу о трансформации жанра эпитафии в современной лирике, в частности, в творчестве Татьяны Данильянц. Несмотря на сравнительно недавно возникший интерес к жанру эпитафии, уже сделано довольно много наблюдений над жанром в XX веке. Эпитафия как жанр ориентируется и на элегический, и на иронический пафос, на протяжении своего развития находится на границе нескольких модусов, имея четко выраженный характер надписи, который варьируется от надписи на надгробии до надписи по поводу смерти (иногда даже эпиграмматической). На этом фоне важно, что Татьяна Данильянц маркирует жанр своих текстов, собирая эпитафии в цикл и задавая их жанровое прочтение заглавием. Творчество Данильянц пронизано темой памяти, память позволяет отвоевывать обратно то, что отнимает время. Поэтому в текстах преобладает трагический пафос, но именно преобладает, давая место и другим чертам, необязательным в классическом поминальном жанре. Эпитафии в книге Татьяны Данильянц «Красный шум» обнаруживают авторскую трансформацию жанра: в эпитафиях сочетаются и элегическая грусть, и язвительность, и горечь, и гимн жизни. Эпитафия Данильянц развивается не по какому-то одному пути, а вбирает в себя несколько векторов трансформации, характерных для современной поэзии.

Ключевые слова: эпитафия, жанр, трансформация, современная поэзия, первичные речевые жанры, лирика

Для цитирования: Артёмова С.Ю. Трансформация эпитафии в поэзии Татьяны Данильянц // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 109–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-109-119

Transformation of the epitaph in the poetry of Tatiana Danilyants

Svetlana Yu. Artemova

Tver State University, Tver, Russia, svart1@yandex.ru

Abstract. The article is about the transformation of the Epitaph genre in modern lyrics, in particular, in the work of Tatiana Danilyants. Despite the relatively recent interest in the genre of Epitaph, quite a lot of observations have already been made on the genre in the twentieth century. The Epitaph as a genre focuses on both elegiac and ironic pathos, throughout its development it is on the border of several modes, having a clearly defined character of the inscription, which varies from the inscription on the tombstone to the inscription about death (sometimes even epigrammatic). With that background, it is important that Tatiana Danilyants marks the genre of her texts by collecting Epitaphs in a cycle and setting their genre reading by the title. The works of Danilyants is permeated with the theme of memory, memory allows winning back what time takes. Therefore, tragic pathos prevails in the texts, but it prevails, giving place to other features that are not mandatory in the classical memorial genre. The Epitaphs in Tatiana Danilyants' book "Red Noise" reveal the author's transformation of the genre: the Epitaphs combine elegiac sadness, sarcasm and bitterness, and a hymn to life. The Epitaph of Danilyants does not develop along any one path, but incorporates several vectors of transformation characteristic of modern poetry.

Keywords: epitaph, genre, transformation, modern poetry, primary speech genres, lyrics

For citation: Artemova, S.Yu. (2023), "Transformation of the epitaph in the poetry of Tatiana Danilyants", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 109–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-109-119

Значение греческого слова «эпитафия» – «надгробная надпись». В русской традиции эпитафия тесно связана как с литературным пластом мемориальных и элегических тем, так и с внелитературными реалиями: первичным бытовым жанром надписи на надгробии и фольклорной традицией оплакивания умерших (см.: [Брагинская 1983]).

Мода на жанр эпитафии в русскоязычном книгоиздании появляется к началу 80-х гг., когда выпускается ряд книг и сборников с

обозначением этого жанра¹, и позже². В конце XX в. был собран и выпущен том серии «Библиотека поэта», посвященный эпитафиям³. Интерес к эпитафиям в это время прослеживается и в Европе, где надпись на могиле также эстетизируется и становится объектом изучения [Dickenberger 1990].

Изучение эпитафии к сегодняшнему дню продвинулось довольно далеко. В отечественном литературоведении есть монографии, посвященные русской эпитафии, – книга М.Ф. Мурьянова [Мурьянов 1995], Т.С. Царьковой [Царькова 1999], П.А. Акимова [Акимов 2007]. Фактор адресации эпитафий исследован в работе Э.Б. Арутюнян [Арутюнян 2008]. Некоторые собирательские и сопоставительные аспекты изучения жанра были описаны также в работах В.Н. Топорова [Топоров 1985] и В. Веселовой [Веселова 2006]. Наконец, собственно жанровая природа текстов обозначена в статьях С.И. Николаева [Николаев 1989] и А.В. Ложковой [Ложкова 2018].

Солидный исследовательский багаж позволяет сделать некоторые выводы. На протяжении бытования и развития жанра существует две разновидности литературной эпитафии: надгробная и ироническая. Надгробная приближается к бытовому жанру надписи на могильной плите и отчасти литературному посланию *in memoriam*, ироническая вбирает в себя черты эпиграммы и лишь внешне, формально имитирует надписевой характер.

Собственно, генетически эпитафия восходит к более широкому понятию «эпиграмма», т. е. надпись на чем-либо, объяснявшая назначение предмета. Так, А.П. Квятковский указывает, что «чаще в русской поэзии можно встретить эпиграмматические эпитафии в шуточной или сатирической форме»⁴, и приводит в пример стихо-

¹ Канович Г. Нагие на Олимпе: Пародии и эпитафии. Вильнюс: Вага, 1981. 56 с.; Маршак С.Я. Эпиграммы оригинальные и переводные. Афоризмы. Эпитафии. Заздравные тосты. Экспромты. Л.: Художник РСФСР, 1978. 103 с.; Меньшиков В.М. Лики: Иронические миниатюры. Басни. Эпитафии. Лирика. М.: Книга, 1989. 223 с.; Тарлапан Е. Необходимые похвалы: Басни, пародии, эпиграммы, шаржи, эпитафии. Кишинев: Лит. артистикэ, 1983. 62 с.; Чопиев Э. Лечение: Сатир. стихи, эпитафии, пародии. Фрунзе: Кыргызстан, 1983. 67 с.

² Меньков Е. Мелкие радости гадости жизни: экспромты, эпиграммы, эпитафии. Челябинск: Уральский ин-т урбанистики, 2008. 175 с.

³ Русская стихотворная эпитафия / Под ред. С.И. Николаева и Т.С. Царьковой. СПб.: Академический проект, 1998. 720 с.

⁴ Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 358.

творение Н. Карамзина «Надгробие шарлатана»: «Я пыль в глаза пускал: / Теперь я пылью стал»⁵.

Середина XIX в. дает мощный в количественном отношении «взрыв» сатирической эпитафии-эпиграммы, которая становится чуть ли не господствующей эпитафийной формой в литературе.

Обе разновидности эпитафии продолжают трансформироваться в XX и XXI вв. «Прививка» русской литературы иронической эпитафией дополняется и переводной литературой, воспоминим шутивную английскую эпитафию в переводе С.Я. Маршака:

Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка

Я гренадер, лежу в земле сырой.
Я простудился, выпив кружку пива.
Не пейте пива жаркою порой,
А пейте спирт – и будете вы живы!⁶

Таким образом, эпитафия как жанр ориентируется и на элегический, и на иронический пафос, на протяжении своего развития находится на границе нескольких модусов и имеет несколько потенциальных схем развития.

Одна из интересных вариаций жанра эпитафии представлена в поэзии Татьяны Данильянц в книге стихов «Красный шум»⁷, где в отдельный раздел вынесены эпитафии разных лет.

Творчество Т. Данильянц пронизано темой памяти, память позволяет отвоевывать обратно то, что отнимает время, на это уже обращали внимание критики:

Тема памяти в поэзии Татьяны Данильянц решается как конфликт памяти и времени. Память по отношению ко времени – осажденный бастион. Память и питается временем, и как прошлое в настоящем бунтует против его императива, против обесмысливающего *все течет, все меняется* [Ионова 2013].

Однако в эпитафиях тема памяти становится не просто повторяющимся мотивом, а идеей жанра, жанровым ядром, как в стихотворении «О смерти поэта»:

⁵ Там же.

⁶ Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 80.

⁷ Данильянц Т. Красный шум. М.: ОГИ, 2012. 96 с. Далее все тексты Т. Данильянц цитируются по этому изданию.

Анне Альчук

не замолчать
не обронить
никому
уход твой
живая весть прорывается:
преданием:
ot serdtsa k serdtsu

интернет раз-объединяет людей:
(подземная sos)
интернет – единственное упование
оставшихся без земли
обетования
которые приносят себя
ему всех себя
но предания
предания золотая нить
как-то золотая нить блестит в твоих волосах
соединяет праведных
соединяет любовью
явью-любовью
голоса
слова
плача

Заглавие «О смерти поэта» знаково. С одной стороны, оно отсылает к русской одической традиции надгробного восхваления и к прецедентному тексту Лермонтова с заглавием «Смерть поэта». С другой – с изменением грамматики в формуле заглавия (не «Смерть поэта», а «О смерти») изменяется и семантика заглавия. Предлог О в «Словаре структурных слов» под редакцией Морковкина имеет функциональную характеристику «в заглавиях каких-либо произведений, сочинений, официальных выступлений и т. п.» и «употребляется при указании на проблему, тему, которая рассматривается в соответствующем произведении...»⁸. Смещение акцента с содержания на его тематизацию и описательность важно, поскольку уходит конкретика, и трагическое звучание приглушается в общефилософских размышлениях о смерти поэта вообще.

⁸ Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. С. 235, ст. 2.

На первый взгляд, перед нами традиционный плач по умершему, эпитафия на смерть поэта: на это указывает и имя Анны Альчук в посвящении стихотворения, и формула «не обронить / никому / уход твой», и множество деталей, создающих живую интонацию скорби.

Но одновременно с этим текст вбирает в себя черты жанровых трансформаций, характерные для современности, создает другие варианты прочтения.

Так, известно стихотворение самой Анны Альчук в том же жанре:

ОТлеТЕЛА душа
отдыхалась
отрешилась от шлака и –
вширь
просияла на синем
отсель
несиницей в руках саркофага –
прошивающим Землю дождем
журавлем
обживается вечность⁹.

Переключка двух этих текстов порождает иное прочтение: обживание вечности и прошивание синевы неба золотым дождем становится утверждением цельности миропорядка. Отсылка же к биографии Анны Ковальчук объясняет латиницу в написании строки “ot serdtsa k serdtsu” – речь, вероятно, идет о латинице писем героини стихотворной эпитафии из эмиграции. Интертекстуальный код позволяет говорить о почти надписевом, т. е. пояснительном, а не трагическом характере эпитафии.

«Перевертышевый» характер эпитафии виден и в тексте эпитафии Данильянц, который называется «Без» (напомним, что автор поэтической книги выделяет тексты в жанровую рубрику «Эпитафии. 2006–2011»):

Поэт – памятник человечеству.
Человеку.
Человечности.

Если первая строка отсылает к традиции одических памятников, а вторая к традиции именно эпитафической, то финал почти

⁹ Альчук А. Стихи разных лет // Дети Ра. 2009. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2009/11/stihi-raznyh-let-14.html> (дата обращения 15 июня 2023).

эпиграмматический, поскольку человечности не осталось. Ирония, соединенная с трагическими мотивами, порождает двунаправленный жанр эпитафии, язвительный и горький одновременно.

Канонический жанр разрушается. Так обстоит дело даже с текстами, казалось бы, традиционными в жанровом отношении:

Памяти Г.Н. Айги

И: заколыхались овраги.

И: заволновались кустарники.

А я наклонюсь
к самой красной,
самой маленькой ягоде...
И говорю:
Я люблю тебя.

Имитация стиля поэта в обращении к этому поэту – характерная черта «смертных» текстов XX в. (вспомним хотя бы «Юбилейное» В. Маяковского, где автор «даже ямбом подсюсюкнул», обращаясь к Пушкину). Здесь стилизация обеспечивается в первую очередь синтаксисом и пунктуацией, которые порождают и динамику стиха, и визуальный облик первых двух строк.

Но далее стиль текста кардинально меняется, появляется личная интонация, задушевность («а я наклонюсь», «я люблю тебя»). Граница двух строф текста маркирована не только пробелом между ними, но и соединительно-противительным союзом «а». Мир, условно говоря, Айги и мир лирического субъекта Данильянц вглядываются друг в друга. Эпитафия становится жанром, в котором зачастую помимо авторской воли обнаруживаются подтексты, нехарактерные для традиционной эпитафии.

Еще одна эпитафия Данильянц – эпитафия убитому журналисту и публицисту, основателю журнала *Forbes*:

Мой город

Памяти Пола Хлебникова

Старики вымерли,
бомжей перебили,
инвалиды как были,
так и остались –
в заточении.

Остались: красивые,
богатые и знаменитые.

И немного нас,
«молодежи».

Все как ты и говорил, Павел.

Этот текст еще дальше отстоит от традиционной эпитафии, поскольку кроме (и даже вместо) скорби об умершем дано утверждение правоты умершего. По сути же горькие слова о том, кто «остался» в настоящем, принадлежат, скорее, традиции горькой эпитафии.

Наконец, еще один эпитафический текст Татьяны Данильянц, также посвященный творцу, джазовому композитору Кирееву:

БЕЗ НАЗВАНИЯ

На смерть Олега Киреева

только
один
выход
из духоты
смерти
галлюцинации
забвения
анемии
деградации:
работа
мозга
работа
мускулов
лоскутного
сердца...

Здравствуй,
день
Бога!

Здесь, казалось бы, речь как раз о смерти и преодолении смерти тела жизнью вечной души. Заглавная формула «Без названия» здесь вбирает семантику скорби и невозможности формулировок (так, по замечанию Татьяны Грауз, «почти все стихотворения Айги, названные им “Без названия”, говорят о том, чему имя дать невозможно» [Грауз 2016]). У Айги молчание не только поэтизировано, но и декларировано самим автором: «Молчание – как “Место Бога” (место наивысшей Творческой Силы)» [Айги 1996].

Эпитафия обнаруживает единство противоположностей: понять жизнь можно, лишь шагнув от смерти, а выход из смерти – потерянная жизнь. Жанр эпитафии становится гимном жизни, гимном бессмертия. Причем бессмертие обретает как бы и не умерший, а тот, чье сердце работает лоскутными мускулами, чей мозг трудится. «Перевертыш» эпитафии декларирует славословие жизни и бессмертия души.

Таким образом, эпитафии в книге Татьяны Данильянц «Красный шум» обнаруживают авторскую трансформацию жанра: в эпитафиях сочетаются и философская грусть о судьбе поэта вообще («О смерти поэта»); и язвительность и горечь («Мой город» и «Без»), и диалог-согласие двух миров (эпитафия Айги), и гимн жизни («Без названия»). Эпитафия Данильянц развивается не по какому-то одному пути, а вбирает в себя несколько векторов трансформации, характерных для современной поэзии.

Литература

- Айги 1996 – *Айги Г.* Поэзия-как-Молчание // Дружба народов. 1996. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1996/3/poeziya-kak-molchanie.html> (дата обращения 15 июня 2023).
- Акимов 2007 – *Акимов П.А.* Надгробие и эпитафия эпохи романтизма в России. М.: Компания Спутник+, 2007. 65 с.
- Арутюнян 2008 – *Арутюнян Э.Б.* О генезисе полиадресованности в текстах эпитафий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 85. С. 142–149.
- Брагинская 1983 – *Брагинская Н.В.* Эпитафия как письменный фольклор // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 119–139.
- Веселова 2006 – *Веселова В.* Эпитафия – формульный жанр: русская стихотворная эпитафия 18–20 вв. // Вопросы литературы. 2006. Март-апрель (№ 2). С. 133–145.
- Грауз 2016 – *Грауз Т.* Стихотворения без названия у Геннадия Айги // Волга. 2016. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/o-stihotvoreniyah-bez-nazvaniya-u-gennadiya-ajgi.html> (дата обращения 15 июня 2023).
- Ионова 2013 – *Ионова М.* Всюду жизнь. Рец. на кн.: Данильянц Т. Красный шум: Стихи разных лет. М., 2012 // НЛО. № 2. 2013. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/120_nlo_2_2013/article/103/ (дата обращения 15 июня 2023).
- Ложкова 2018 – *Ложкова А.В.* Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-epitafiya-problema-zhanrovoy-spetsifiki> (дата обращения 15 июня 2023).

- Мурьянов 1995 – *Мурьянов М.Ф.* Пушкинские эпитафии / Предисл. А.В. Михайлова. М.: Наследие, 1995. 111 с.
- Николаев 1989 – *Николаев С.И.* Проблемы изучения малых стихотворных жанров (эпитафия) // XVIII век: Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 44–55.
- Топоров 1985 – *Топоров В.Н.* Материалы к русской стихотворной эпитафии // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1985. С. 115–123.
- Царькова 1999 – *Царькова Т.С.* Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 198 с.
- Dickenberger 1990 – *Dickenberger U.* Liebe, Geist, Unendlichkeit: Die Inschriften des Stuttgarter Hoppenlau-Friedhofs u. die poetische Kultur um 1800. Hildesheim etc.: Olms, 1990. IX. 268 pp.

References

- Aigi, G. (1996), *Poeziya-kak-Molchanie* [Poetry-as-Silence], *Druzhba narodov*, no. 3, Moscow, Russia.
- Akimov, P.A. (2007), *Nadgrobie i epitafiya epohi romantizma v Rossii* [Tombstone and epitaph of the era of Romanticism in Russia], *Kompaniya Sputnik+*, Moscow, Russia.
- Arutyunyan, E.B. (2008), *O genezise poliadresovannosti v tekstah epitafii* [On the genesis of polyadresence in the texts of Epitaphs], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 85, pp. 142–149.
- Braginskaya, N.V. (1983), “Epitaph as written folklore”, *Tekst: Semantika i struktura*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 119–139.
- Dickenberger, U. (1990), *Liebe, Geist, Unendlichkeit: Die Inschriften des Stuttgarter Hoppenlau-Friedhofs u. die poetische Kultur um 1800* [Love, spirit, infinity: Inscriptions at Hoppenlau Cemetery in Stuttgart and poetic culture circa 1800], Olms, Hildesheim, Germany.
- Grauz, T. (2016), “Poems without a title by Gennady Aigi”, *Volga*, no. 5, available at: <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/o-stihotvoreniyah-bez-nazvaniya-u-gennadiya-ajgi.html> (Accessed 15 June 2023).
- Ionova, M. (2013), “Life is everywhere”, *NLO*, no. 2, available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/120_nlo_2_2013/article/103 (Accessed 15 June 2023).
- Lozhkova, A.V. (2018), “Literary epitaph. An issue of genre specificity”, *Ural'skii filologicheskii vestnik*, no. 4, Ekaterinburg, Russia, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-epitafiya-problema-zhanrovoy-spetsifiki> (Accessed 15 June 2023).

- Mur'yanov, M.F. (1995), *Pushkinskie epitafii* [Pushkin's Epitaphs], Nasledie, Moscow, Russia.
- Nikolaev, S.I. (1989), "Issues of studying small poetic genres (epitaph)", 18th century. Coll. 16, *Itogi i problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka* [Results and issues in the study of the 18th century Russian literature], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 44–55.
- Toporov, V.N. (1985), "Materials for the Russian poetic epitaph", *Balto-slavyanskije etnokul'turnye i arheologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyi obryad* [Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities. Burial rites.], In: *t slavyanovedeniya i balkanistiki*, Moscow, Russia, pp. 115–123.
- Tsar'kova, T.S. (1999), *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vekov: Istochniki. Evolyutsiya. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19–20s centuries: Sources. Evolution. Poetics], BLITs, Saint Petersburg, Russia.
- Veselova, V. (2006), "Epitaph – formulaic genre. Russian poetic epitaph of the 18th–20th centuries", *Voprosy literatury*, mart-april (no. 2), pp. 133–145.

Информация об авторе

Светлана Ю. Артёмова, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170000, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; svart1@yandex.ru

Information about the author

Svetlana Yu. Artemova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova Street, Tver, Russia, 170000; svart1@yandex.ru